

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ **И СОВРЕМЕННЫЙ МИР**

УДК 1(091)

ПОЛИС КАК МОДЕЛЬ ДЛЯ СБОРКИ «СОЦИАЛЬНОГО» В РАННЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

С.В. Рассадин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2020.4.203

Обострившиеся в условиях глобализации социальные конфликты демонстрируют перманентную проблемность «социального» как феномена. Концептуальное оформление данного феномена во многом определяет не только понимание, но и варианты последующих социальных трансформаций. При этом устойчивость многих социальных интеллектуальных построений на протяжении столетий не вызывает сомнений. Актуальность наиболее ранних социальных представлений, которые во многом предзадали европейскую традицию социальной мысли тем самым очевидна. Анализируется генезис социальных идей в ранней греческой философии. Автор эксплицирует «протосоциальные» воззрения в творчестве ряда досократических мыслителей. В исследовании используются методы дискурсивного анализа и акторно-сетевой теории. В результате проведённого теоретического изыскания выявлены наиболее значимые механизмы генезиса «социального» в начале европейской интеллектуальной традиции.

***Ключевые слова:** социальное, ранняя греческая философия, дискурсивный анализ, справедливость, полис.*

Введение

Дискуссии о «социальном» в Античности, его концептуальном оформлении, месте в философских построениях мыслителей разных школ и контексте использования ведутся исследователями с различной степенью интенсивности на протяжении двух последних столетий. Процесс современного оформления «социального» в режиме национального государства в совокупности с концептуальным закреплением данного понятия в социологическом дискурсе вызывает вполне закономерное желание выявить истоки социального дискурса, дискурсивные механизмы его наполнения в других социально-культурных реалиях. Общепризнанное мнение о достаточно позднем формировании собственно «социального дискурса» в эпоху так называемой классической греческой философии создаёт определённую эпистемологическую препону для понимания истоков данного дискурса. Его генезис в то же время,

безусловно, имел основания в мысли предшествующих мыслителей. Экспликация протосоциальных мотивов и категорий, ставших ключевыми для оформления концептуального каркаса социальных воззрений более поздних мыслителей, видится актуальной задачей социально-философского исследования. «Сборка протосоциального», которую начали осуществлять ранние греческие мыслители, во многом была инициирована социальными процессами перехода от царской формы правления к ранним демократиям. Как и любые социальные трансформации указанный трансфер вызвал потребность объяснения принципов сохранения социального целого в условиях изменений. Дискурсивное построение «социального» происходило в рамках наличествующего – мифологического – языка. Тем самым непосредственной задачей предлагаемого исследования является анализ концептуальной сборки «социального» в ранней греческой философии.

Отстояние от начала

Сложность концептуального осмысления ранней греческой философии, детерминируемая как крайней фрагментарностью источников и, как правило, вторичным изложением дошедшего до нас наследия, так и спецификой самого философского языка, насыщенного мифологическими образами и не имеющего ещё устойчивого терминологического инструментария, традиционно приводит к двум возможным взаимоисключающим вариантам интерпретации. Во-первых, наиболее распространена в истории философии традиция упрощённого толкования греческих философов, живших до Сократа¹ как мыслителей «ранних», что маркирует их как «незрелых» и «несистемных», по сравнению с мыслителями «классического» и «позднего» периодов Античности. Данная традиция, идущая от модели преемств Диогена Лаэртского, задавшего установки на наличие последовательности «учитель–ученик»² и разделение древней философии на три ступени по методам [8, с. 44], оказалась крайне устойчивой и эффективной как для формирования историко-философской модели становления греческой и, шире, европейской философии, так и для столь же парадигмальной оценки ранних мысли-

¹ Дискуссия об использовании термина «досократики» применительно к представителям этого этапа античной мысли, например, А.В. Лебедева [7] и К.В. Райхерта [10], безусловно, создаёт конструктивное поле для более глубокого понимания генезиса европейской интеллектуальной традиции, но выходит за пределы данной работы. Исходя из прагматических соображений, использование устоявшегося термина позволяет упростить работу, поскольку даёт возможность условной экономной маркировки группы мыслителей, творивших до/вне сократических школ.

² «Философия же имела два начала: одно — от Анаксимандра, а другое — от Пифагора; Анаксимандр учился у Фалеса, а наставником Пифагора был Ферекид. Первая философия называется ионийской, потому что учитель Анаксимандра Фалес был ионийцем, как уроженец Милета; вторая называется италийской, потому что Пифагор занимался ею главным образом в Италии» [1, с. 66–67].

телей как «физиков», сконцентрировавших всё своё внимание на проблеме первоначала. Во-вторых, радикально иное понимание роли и статуса философов Греции VII–V вв. до н.э. было предложено в творчестве ряда выдающихся мыслителей XX в., акцентировавших внимание на глубине их интеллектуальных прозрений. К числу «переоткрывателей» досократической мысли, в первую очередь, относятся Карл Поппер и Мартин Хайдеггер. Обращение к «началу», предпринятое указанными авторами, с различных сторон вскрыло фундаментальные прозрения первых философов. К. Поппер видит в творчестве ионийских мыслителей создание принципиально новой традиции – традиции философского критицизма, которая впоследствии привела и к формированию рациональной западной цивилизации: «Во всяком случае, историческим фактом остается то, что ионийская школа была первой, в которой ученики критиковали своих учителей поколение за поколением. Трудно сомневаться в том, что греческая традиция философского критицизма зародилась в Ионии. Это было чрезвычайно важным новшеством. Оно означало разрыв с догматической традицией, допускавшей в школе лишь одно учение, и утверждение традиции, поощрявшей плюрализм учений, пытавшихся приблизиться к истине с помощью критической дискуссии» [9, с. 258]. М. Хайдеггер, используя «начальных мыслителей», кардинально переосмысливает всю европейскую рациональную традицию и, по сути, постулирует открытие начала мышления именно ранними греками. Последнее превращает всю последующую традицию в традицию забвения «начала»: «Начало есть то, что в сущностной истории приходит последним. Правда, для мышления, которое знает только форму счета, тезис “начало есть последнее” остается бессмыслицей. Конечно, сперва, в исходном виде начало является в своеобразном прикровении. Отсюда та странность, что изначальное легко считается чем-то несовершенным, незаконченным, грубым. Его также называют “примитивным”, и потому возникает мнение, что мыслители, существовавшие до Платона и Аристотеля, – это “примитивные мыслители”. Правда, не каждый мыслитель, стоящий у истоков западноевропейского мышления, непременно является изначальным» [14, с. 14]. Реабилитация ранних мыслителей, предпринятая Хайдеггером, в то же время для него самого остаётся крайне проблемным проектом, так как адекватность понимания и возможность принятия идей столь отстоящих от нас авторов практически недостижимы: «Последующие поколения все больше и больше отчуждаются от раннего мышления. В конце концов, отстояние становится таким большим, что возникает сомнение, способна ли вообще позднейшая эпоха снова помыслить самые ранние мысли. К этому сомнению прибавляется и другое, а именно мысль о том, что если бы такое начинание и удалось, оно все равно бы, наверное, не принесло никакой пользы. К чему бродить в поисках почти затерявшихся следов давно миновавшего мышления? Сомнения в возможности осуществле-

ния такой попытки и в пользу данного начинания особенно подкрепляются тем, что оно дошло до нас только в отрывках. Отсюда становится ясно, почему взгляды ученых на раннюю греческую “философию” так разнятся между собой, а за правильность понимания этих философских мыслей вообще нельзя ручаться» [14, с. 16]. Указанное сомнение, тем не менее, не мешает немецкому философу обнаруживать в творчестве избранных «ранних» глубочайшие философские прозрения. Трудно не согласиться с Хайдеггером в том, что именно в ранней греческой мысли осуществляется начальное конципирование философского дискурса, задаётся инструментальный каркас, обладающий значительным эвристическим потенциалом, способным при последующем развёртывании к всестороннему охвату практически всех сфер философии.

Социально-философские интенции досократиков фундированы, с одной стороны, сложной социальной ситуацией, в которой они пребывали (трансформирующиеся социальные реалии античного полиса, столкновение с другими видами социальной организации различных «варваров», для ионийских полисов закончившееся трагически), с другой – наличным дискурсом, во многом имеющим ещё мифологическую основу. Не менее значимым фактором, который во многом определял становление нового концептуального аппарата для понимания и объяснения общественных пертурбаций, можно признать демифологизацию и десакрализацию дискурса. Рэндалл Коллинз констатирует эту трансформацию интеллектуального пространства ранней греческой философии: «Самая ранняя философия постепенно кристаллизуется из избытка политических “мудрецов” и тех, кто ставил под сомнение традиционные религиозные верования в поколениях около 600 г. до н. э. Здесь важнейшими являются внешние условия: демократическая революция и политические реформы, распространение грамотности и влияние всего перечисленного на подрыв религиозных практик, связанных с традиционной политической жизнью. Далее делается решающий шаг: интеллектуальное сообщество отделяется через обращение к новым темам и стандартам соперничества. Начальные этапы обсуждений носят космологический характер. Когда-то категории естественного мира задавались в терминах антропоморфных божеств; социальные условия, подрывавшие старые религиозные культы, теперь открывают новое пространство аргументации» [5, с. 146].

Неосознаваемое восприятие собственного социального мира как естественного порядка требовало восстановления утрачиваемой стабильности в указанных условиях. Полис, испытывающий удары как снаружи (прежде всего от варваров, нападающих на ионийские города), так и изнутри (ломка устоявшихся политических режимов в результате демократических преобразований или установления тиранических режимов) тем не менее сохранял цельность, что должно было быть объяснено. Отрывочность текстов не позволяют провести сколь-нибудь каче-

ственную реконструкцию социальных воззрений ранних мыслителей, что приводит к заметной спекулятивности данных попыток. Но можно согласиться с Хайдеггером в том, что некоторые начальные установки на «открытие» западного мышления, включая понимание социальных отношений и законов, можно эксплицировать в творчестве трёх выдающихся древних греков: «Анаксимандр, Парменид и Гераклит — единственные начальные мыслители. Они таковы не потому, что открывают и начинают западное мышление. Мыслители были и до них. Они таковы потому, что мыслят начало. Оно есть помысленное в их мысли» [14, с. 26–27].

От справедливости к закону

Интегральный характер воззрений ранних греческих мыслителей, ещё не дифференцирующих социальное знание от других, вкупе с крайней фрагментарностью дошедших до нас первоисточников действительно позволяют эксплицировать «начало» «социального» только у немногих из них. Тем интереснее обнаружить подобное «начало» в мысли Анаксимандра. Это «начало» – одна оставшаяся фраза от первого в истории Греции сочинения, написанного прозой, процитирована Симпликием в комментариях к «Физике» Аристотеля. Трудность перевода и толкования, как общая проблема понимания древних, в данном случае проявляется во всей красе: «А из каких [начал] вещам рождение, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды [= ущерба] в назначенный срок времени» [13, с. 127]. Или в раннем переводе Макавельского: «А из чего возникают все вещи, в то же самое они и разрешаются согласно необходимости. Ибо они за свою нечестивость несут наказание и получают возмездие друг от друга в установленное время» [2, с. 100]. Концептуальная насыщенность фрагмента детерминирует множественность толкований, предложенных в мировой философии. При этом общим местом в понимании Анаксимандра является артикулируемое им уникальное соединение всех уровней бытия – космоса, человека и полиса – в рамках соблюдения одного фундаментального принципа. Ф.Х. Кессиди наряду с гилозоизмом и пантеизмом выделяет принцип социоморфизма в качестве важнейшей установки древнегреческих мыслителей, определяя его как «представление о мире-космосе как универсальном полисе, который зиждется на законе (с последним связано проведение Анаксимандром аналогий между нравственно-правовыми нормами в полисе и космическим порядком, проведение им параллелей между обществом и природой)» [4, с. 113]. Поиск языка для описания устройства бытия, начатый Анаксимандром, определённо задействовал два возможных способа – мифологический и опыт социального существования. Он использует традиционные мифологические образы, прежде всего образ Дике как богини справедливости-правосудия-

возмездия и, в то же время, осуществляет перенос отрефлексированного понимания отношений в полисе на объяснение отношений в космосе в целом. При этом Анаксимандр производит демифологизацию Дике в универсальный онтологический принцип, что обеспечивает мыслителю уникальную возможность категоризации данного понятия в качестве философского концепта. Ф.Х. Кессиди констатирует этот факт: «Отметим также, что Анаксимандр отошел от персонификации космической Dike. Поэтому у него Dike фигурирует как dike не в смысле абстрактного понятия “справедливость”, а в смысле космической нравственно-правовой нормы, причастность или, напротив, непричастность к которой определяет “справедливость” или “несправедливость” чего бы то ни было (в человеческой жизни, в мировых процессах — все равно)» [4, с. 128]. Категоризация бинарной пары понятий «справедливость/несправедливость» (dike / adikia), осуществляемая Анаксимандром, репрезентирует не только очевидную демифологизацию интеллектуальной традиции, но и поиск и создание адекватного языка описания как социального, так и космического устройства. Отечественный исследователь Г.В. Драч аргументированно демонстрирует использование данных понятий для описания социальных отношений в полисе уже у Гесиода и Солона: «У Гесиода dike, как и сопутствующая ей adikia (справедливость и несправедливость), рассматривается в двух планах: космическом и человеческом... Dike у Гесиода превращается в норму индивидуального поведения, когда справедливое поведение (dike) уравнивается с наличием у человека совести (aidos) и боязнью возмездия (nemesis). У Солона Дике превращается в dike — норму естественных процессов» [3, с. 130–131]. Подобное использование отвечает трансформации архаических полисов, осуществившейся в результате реформ Солона, Ликурга и др. Сформировавшиеся в архаическую эпоху в результате так называемого «дорийского вторжения» социальные организмы – полисы – фундированы рядом общественных противоречий, имплицитно содержащим линии возможных конфликтов (богатые/бедные, полноправные/бес- или неполноправные). Но важнейшим различием, детерминирующим эволюцию полиса, оказалось различие между завоевателями-дорийцами и подчинённым местным населением. Данное противостояние определило ключевую форму самоописания эллинов – «свободу», детерминированную чуждым для них, но очень близким «рабством». Реформы Солона в наиболее рельефной форме отразили как недопустимость рабства для свободных греков, так и стремление к уравниванию свободных между собой. Этот важнейший принцип социального организации полиса отмечают авторы фундаментального двухтомного исследования «Античная Греция». Анализируя переход от архаического полиса к его классической форме Г.А. Кошеленко констатирует как подвижность отношений внутри свободных членов полиса, так и устойчивость противостояния их зависимому населению:

«В греческих полисах, как правило, демос — рядовые соплеменники — смог отстоять свою свободу. В Афинах уже со времени реформ Солона было запрещено эндогенное рабство, а последующие политические реформы практически полностью уравнивали в правах демос со старой знатью (евпатридами). Подобное развитие событий типично для многих греческих полисов, и его можно рассматривать как вариант решения проблемы, когда демос одерживает победу. Но даже в отсталых архаических полисах (типа критских), где твердо установился олигархический строй и полными политическими правами обладали только представители знати, называвшиеся “свободными”, рядовые общинники, хоть и не приобрели полных политических прав, все же сохранили личную свободу и экономическую независимость. Зависимое же крестьянство составляло третий социальный слой — оно образовалось в результате завоевания дорийцами местного населения и, таким образом, также представляло собой группу людей, “внешнюю” по отношению к собственно дорийцам — пришельцам, составившим две первые группы внутри полиса» [6, с. 20–21]. Солон, проведя реформы в Афинах, не только устранил возможность рабства для греков, но тем самым отождествил понятия «свободный» и «гражданин». В собственном стихотворении афинский мудрец выделяет два главных достижения своего правления – освобождение проданных сограждан и равенство горожан перед судом – которых он добился, пользуясь принципом «правды/справедливости» (дике):

«И многих в стены богозданной родины
Вернул афинян, проданных в полон чужой
Кто правосудно, кто неправдой. Я домой
Привел скитальцев, беглецов, укрывшихся
От долга неоплатного, родную речь
Забывших средь скитаний по чужим краям.
Другим, что здесь меж ними, обнищавшие,
В постыдном рабстве жили, трепеща владык,
Игралища их прихотей, свободу дал.
Законной властью облеченный, что сулил,
С насильем правду сочетав, – исполнил я.
Уставы общих малых и великих прав
Я начертал; всем равный дал и скорый суд» [12, с. 135].

Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях», описывая деятельность Солона, также подчёркивает стремление Солона к установлению справедливого состояния в полисе с целью установления социальной гомогенности: «законодатель правильно поступал, приучая граждан сочувствовать и соболезновать друг другу и быть как бы членами единого тела. Есть упоминание об одном ответе Солона, имеющем смысл, одинаковый с этим законом. Когда его, по-видимому, кто-то спросил, какое государство самое благоустроенное, он отвечал: “То, в котором необи-

женные преследуют судом и наказывают обидчиков не менее, чем обиженные»» [11, XVIII].

Установленная Солоном в Афинах (и в ряде других демократических полисов) модель судебного разрешения конфликтов между равными гражданами напрямую связала пару «дике/адикия» с концептом «ποιοί» (писаные законы), который отныне отражает способность самих свободных греков формировать собственные нормы совместного существования (не ссылаясь на их божественное или древнее происхождение). Р. Хирцель отмечает этот факт: «Заповеди, которые раньше исходили из божественных и царских уст как принадлежащие Фемиде, достигли теперь силы закона, соизмеряемого с дике и ею подтверждаемого» [15, S. 210].

В вышеприведенном фрагменте Анаксимандра имплицитно содержится концептуальная триада Солона (дике-адикия-номос), но если у его афинского предшественника она характеризует только уровень отношений в полисе, то у милетца таким образом «собирается» космос. Г.В. Драч констатирует этот факт: «Анаксимандр идет дальше, сообщая *dike* как норме правопорядка онтологический (космический) статус» [3, с. 130]. Придав концепту «справедливость» характер универсального управляющего принципа, Анаксимандр тем самым подчеркивает изоморфность полиса и космоса. Апейрон, из которого исходят и в который возвращаются противоборствующие стихии, формирующие мир, находится над схваткой. Выходя за свои пределы, нарушая меру, стихии запускают адикию. Дике в таком случае – единственный способ восстановления мировой гармонии. Аналогия полисных конфликтов и космического противостояния стихий позволяет Анаксимандру принять в качестве единого космического-полисного-человеческого закона справедливость.

От справедливости к истине

Развёртывание (к сожалению, опять весьма фрагментарное) концепта «справедливость» (дике) в онтологическом ключе осуществил ещё один выдающийся ранний греческий мыслитель – Парменид (акме соотносят с 504–501 гг. до н.э.). Дошедшая до нашего времени поэма «О природе» содержит всего лишь несколько отрывков, которые в крайне метафоричной форме повествуют о путешествии юноши в чертоги Богини, сообщившей герою о двух путях познания – истины и мнения.

Множественность толкований слов Парменида тем не менее не отрицает того, что признают практически все – представитель элейской школы реализует первый онтологический проект в европейской интеллектуальной традиции. Концептуализация понятия «бытие», жёсткая логическая фиксация основных атрибутов истинного бытия, отождествление бытия и истины – всё это, по мысли М. Хайдеггера, и создаёт традицию различения бытия и сущего. Стоит отметить, что М. Хайдеггер,

анализируя творчество Парменида, объясняет уникальный характер древнегреческого понимания концепта «справедливость», не сводимый к полису, а обретающий смысл только через неприятие собственной противоположности – адикии: «Подобно тому как πόλις нельзя разьяснять в контексте новоевропейского понятия “государства” или римского понятия *res publica*, греческую δίκη нельзя толковать в ракурсе новоевропейского понятия “справедливости” и римского понятия *iustitia*. Являясь тем “ладом”, который “улаживает” человечество, как бы встраивая его в определенный строй отношений, δίκη обретает свою сущность из своего отношения к ἀλήθεια и не определяется из отношения к πόλις и через πόλις» [14, с. 210–211]. Тем важнее проследить, как Парменид подходит к проблеме «социального».

Путь юноши пролегает по двум мирам-путям, разделяемым воротами, которые как раз охраняет Дике (Справедливость-Правда):

«Там — ворота путей Ночи и Дня,

И их объемлет притолока и каменный порог,

А сами — высоко в эфире — они наглухо закрыты огромными створами,

Двойные запоры которых сторожит многокарающая Дикэ (Правда)»³ [13, с. 286].

Пребывание юноши в обоих мирах позволяет ему постичь принципиально различные миры и, тем самым, осознать фундаментальное противостояние истинного единого мира (мира света) и мира чувственного, мира мнения (ночи). Открытие Дике запредельного чувствам человека мира чистого бытия позволяет герою поэмы разобраться с тем, что основными проводниками к Истине являются Закон и Правда (Дике):

«Ибо отнюдь не Злая Участь (Мойра) вела тебя пойти

По этому пути — воистину он запределен тропе человеков —

Но Закон (Фемида) и Правда (Дикэ). Ты должен узнать все:

Как непогрешимое сердце легко убеждающей Истины,

Так и мнения смертных, в которых нет непреложной достоверности» [13, с. 287].

Признание Парменидом небытия как несуществующего позиционирует бытие как вечный, неизменный, неуничтожимый и неподвижный абсолют. Данный набор атрибутов элиминирует анаксимандровское противостояние дике/адикия, а отождествление бытия и истины делает принципы закона и справедливости когерентными. В метафори-

³ В изложении Г.В. Драча: «Но вот предстали ворота на пути между Ночью и Днем. Вверху притолока, внизу крепкий каменный порог, А между ними эфирный простор, замыкаются огромными Створками. Держит ключи от них миогоразящая Дике» [3, с. 255].

ческой форме Дике предстаёт у Парменида в образе божественной сущности, отделяющей мир бытия/истины от мира человека/мнения, в силу этого законы, соответствующие Дике, являются истинными по определению. В тоже время в человеческом мире Справедливость имеет, скорее, деонтический характер. Путь мнения выражает присутствие справедливости как соответствие слов и вещей, что означает для человека необходимость собственным разумом корректировать свои деяния. Г.В. Драч делает дике инстанцией, контролирующей человеческие высказывания: «с...dike появляется как контролирующий агент высказываний человека, его правовой лексики, его поисков истины и правильного мышления, которые так не характерны для большинства людей, поскольку для них это привычный мир» [3, с. 272–273].

Выводы

Проведенный теоретический анализ социальных представлений в творчестве ранних греческих мыслителей позволяет выделить несколько общих для них установок. Так, во-первых, для Анаксимандра и Парменида вполне естественно недифференцированное рассмотрение социального и природного. Более того, они объединяют эти миры в единый объект для изучения, выявляя при этом общие принципы их существования. Во-вторых, досократики рассматривают полис как единственно возможную модель для «сборки» «социального», проблемы полисных социальных отношений при этом, в свою очередь, становились универсальным способом объяснения природных явлений. В-третьих, ранняя греческая мысль осуществляет работу по созданию нового языка описания социальных реалий и принципов через категоризацию мифологических представлений архаической эпохи, придавая старым понятиям новое, универсальное рациональное содержание. В-четвертых, определяется устойчивая традиция к «этическому» конструированию общества через набор взаимосвязанных понятий – справедливость, закон, истина, мера, порядок, позволяющих не только объяснить, но и «поправить» порой шатающееся строение полиса как социальное целое. Конструирование полисного единства с помощью «справедливости» как ключевого принципа социальной организации – основная задача мыслителей, положивших начало европейской интеллектуальной традиции.

Список литературы

1. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / общ. ред. и вступит. статья А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1979. 620 с.
2. Досократики / пер. с древнегреч. Л. Маковельского. Минск: Харвест, 1999. 784 с.
3. Драч Г.В. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики. М.: Гардарики, 2003. 318 с.

4. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. Становление греческой философии. М.: Мысль, 1972. 312 с.
5. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / пер. Н.С. Розова и Ю.Б. Вертгейм. Новосибирск. Сибирский хронограф. 2002. 1280 с.
6. Кошеленко Г.А. Введение. Древнегреческий полис // Античная Греция: в 2 т. М.: Наука, 1983. Т. 1. Становление и развитие полиса. С. 9–36.
7. Лебедев А.В. Избавляясь от «досократиков» // Философия в диалоге культур. Всемирный день философии (Москва – Санкт Петербург, 16 – 19 ноября 2009 года), Материалы. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 177–183.
8. Лосев А.Ф. Диоген Лаэртский и его метод // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / общ. ред. и вступит. статья А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1979. С. 5–59.
9. Поппер К.Р. Назад к досократикам // Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. М.: ООО «Издательство АСТ» , 2008. С. 234–280.
10. Райхерт К.В. Анализ критики А.В. Лебедева термина «досократики» Дильса-Кранца // ΣΧΟΛΗ. 2012. Vol. 6. 2. С. 434–449.
11. Солон XVIII // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т. М.: Наука, 1961–1964. Т. 1. 1961. С. 102–126.
12. Солон. Моей свидетельницей пред судом времен... // Античная лирика. М.: Художественная литература, 1968. Т. 4. Поэзия античных авторов. С. 135.
13. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. 576 с.
14. Хайдеггер М. Парменид / пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2009. 384 с.
15. Hirzel R. Themis, Dike und Verwandtes. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1907. 446 S.

POLIS AS A MODEL FOR ASSEMBLING THE «SOCIAL» IN EARLY GREEK PHILOSOPHY

S.V. Rassadin

Tver State Technical University, Tver

The aggravated social conflicts in the context of globalization demonstrate the permanent problematic nature of the «social» as a phenomenon. The conceptual design of this phenomenon largely determines not only understanding, but also options for subsequent social transformations. At the same time, the stability of many social intellectual constructions over the centuries is beyond doubt. The relevance of the earliest social concepts, which in many ways foreshadowed the European tradition of social thought, is thus obvious. The genesis of social ideas in early Greek philosophy is analyzed. The author explicates «social» views in the works of a number of pre-Socratic thinkers. The work uses the methods of discourse analysis and actor-network theory. As a

result of the theoretical study, the most significant mechanisms of the genesis of the «social» at the beginning of the European intellectual tradition have been identified.

Keywords: *social, early Greek philosophy, discourse analysis, justice, policy.*

Об авторе:

РАССАДИН Сергей Валентинович – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: s_r08@mail.ru

Author information:

RASSADIN Sergey Valentinovich – PhD (Philosophy Science), Assoc. Professor of the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: s_r08@mail.ru